

ОТЗЫВ

**официального оппонента о представленной на соискание ученой
степени кандидата исторических наук диссертации
Иванова Валерия Алексеевича
на тему: «Заместительные обряды в религиозной традиции Анатолии
II тысячелетия до н.э.» (МГУ, 2024, 172 с., библиография 180 номеров),
по специальности 5.6.2. Всеобщая история**

Диссертационное исследование В. А. Иванова представляет собой образцовую работу, полностью соответствующую внутренней форме слова «диссертация» как подробное детальное рассмотрение вопроса. Тема, выбранная В. А. Ивановым, чрезвычайно широка, поскольку охватывает практически весь ареал Восточного Средиземноморья и посвящена реконструкции представлений II тыс. до н.э., не связанных с местными культурными традициями и потому не знавших никаких границ. Не так давно прошло заседание гуманитарного семинара ОИФН РАН, посвященное теме «Пандемии и эпидемии в мировой истории». Диссертация В. А. Иванова актуальна уже потому, что продолжает эту тему (см.: Труды Отделения историко-филологических наук. Т. 11. М.: РАН, 2022. С. 29 сл.).

Представляется удачным предпринятое автором как рассмотрение и определение болезни, так и предлагаемого заместительного ритуала, а также шаблонного описания поводов совершения ритуала, например, часто предшествующих ему вещих снов, в том числе включающих специальный обряд инкубации, засвидетельствованный и в греческой, и в египетской традициях. Вещие сны подробно рассматриваются в диссертации (стр. 58 сл.) как осмысление событий, на которое авторы текстов распространяют мотив специфического, идущего от божества предвидения, о котором повествуют и хеттские, и греческие, и древнееврейские источники.

Мы обнаруживаем рассказ о вмешательстве Бога, посылающего сны фараону, которые отгадывает Иосиф, сны, подобные тем, которые чуть не заставили Агамемнона отказаться от дальнейшей осады Трои, сны, в

которых Богиня Иштар ведет юного Хаттусилиса от одной победы над затруднительными обстоятельствами к следующей. Эти сопоставления присутствуют и в диссертации, но мне хотелось бы подчеркнуть, что во всем этом присутствует не знающее языковых барьеров и прямо сформулированное представление о возможном непосредственном вмешательстве божества в человеческие дела. Наряду с этим встречаются и специальные ритуалы, основанные на инкубации в специальном храмовом помещении.

Для античности сохранились эпиграфические памятники эпидаврской ареталогии, исследованные акад. С.А. Жебелевым, а также надписи, посвященные проведению инкубации в храме как способу общения с божеством и получения исцеления. Нечто подобное известно также в Древнем Египте. Автор подробно исследует этот мотив применительно к рассказу о том, как Мурсили именно во сне сперва теряет, а потом вновь обретает дар речи. Впрочем, Вяч. Вс. Иванов, работавший в клинике Александра Романовича Лурия с афатиками, не случайно воздерживался от термина «афазия». Западные коллеги смелее, но я не уверен, что их медицинский диагноз более точен, чем сформулированный Вяч. Вс. Ивановым.

Всесторонний анализ текстов позволяет В. А. Иванову сформулировать целый ряд новых и нетривиальных выводов, достоверность которых гарантирует всесторонняя и правильная интерпретация дошедшего до нас материала.

Также чрезвычайно широким по своему распространению является гадание по печени, представляющее собой единую в своей основе мантическую практику, распространенную в древности от Месопотамии до Италии.

На фоне этих общих представлений В. А. Иванов обращается к специфическому материалу заместительных обрядов, которые не просто упоминаются, а в ряде случаев описаны с такой подробностью, что

позволяют с опорой на письменные источники провести детальный анализ как ситуации, в которой подобные обряды проводились, так и реконструировать последовательность действий, совершаемых, как правило, квалифицированными жрецами или жрицами. Я предпочел бы видеть на стр. 56 и далее не «причины», а **поводы** для проведения ритуалов.

Мне очень нравится взвешенное отношение диссертанта к предлагавшимся интерпретациям, в том числе отсутствие восторгов по поводу идей Мери Бачваровой, да и Иана Резерфорда, готовых распространить заместительный ритуал на явно не имеющие к нему отношения сцены из «Илиады». Начнем с того, что идея заместительной жертвы может возникать независимо (ср. в воспоминаниях Ф.Г. Углова самопожертвование сестры, готовой отдать жизненно важные органы и с ними свою жизнь, чтобы жила ее сестра). Явно в этом случае нет преимущества с заместительным ритуалом, как нет заместительного ритуала в просьбе Патрокла позволить ему обрядиться в доспех Ахилла. Переодевание героя в одолженный чужой доспех в Илиаде упоминается не единожды, в том числе в начале 3-й песни, когда Менелай вызывает Париса на поединок. Парис в начале 3-й песни не имеет тяжелого вооружения, так что его брат Ликаон (3.333) одалживает ему свой доспех и щит. Точно так же Ахилл позволяет Патроклу облачиться в свой доспех. В последнем случае появляется дополнительная мотивировка испугать троянцев мнимым присутствием Ахилла, однако никакого заместительного ритуала в этом случае не может быть по определению. То, что Патрокл погиб, очевидным образом было предрешиено так же, как была предрешена гибель Ахилла под стенами Трои. Вспомним, что Фетида дает своему сыну сосуд, в котором, как она знает, будут лежать и его кости, и кости Патрокла. Подробное описание этого сосуда, подаренного Фетиде Дионисом, содержит намек на то, что она специально приберегала сосуд

именно для использования в качестве погребальной урны для обоих — для сына и Патрокла.

Я склонен ставить в заслугу диссертанту то, что он не увлекся такими сопоставлениями, разбору которых во многом посвящены страницы третьей главы.

По части истории мне представляется важным замечание В. А. Иванова о почитании Мардука и о разрушении святилища Мардука. Последнее существенно в нескольких отношениях, имея в виду сравнительно недавнее свидетельство о Тукульте-Нинурте I, разрушившем святилище Мардука в Вавилоне и вывезшем статую Мардука в основанную им столицу. Для греко-анатолийских связей существенно наличие клинописных печатей самого разного времени, начиная с III тыс. до н. э. в Фивах конца 13 века до н. э., что связывают именно с разграблением святилища Мардука (см.: Фиванские святилища микенского времени // ВДИ. 2021. Т. 81, № 1. С. 23–51).

Мне представляется чрезвычайно важным для оценки работы два обстоятельства. Первое связано с использованием текста как основы для исторического рассуждения, что напрямую продолжает установки Б.Е. Александрова, дающего всякий раз примеры образцового анализа текста. Второе, что хотелось бы подчеркнуть — это умение посмотреть несколько шире, чем позволяют отдельно взятые данные исследуемых хеттских текстов. Именно поэтому автор использует для сопоставления ассирийские тексты I тыс., хурритские данные и данные греческой традиции, восходящей ко II тыс. до н. э. У меня не вызывает ни малейших сомнений степень обоснованности положений, выносимых на защиту.

Разумеется, при чтении у меня возникли некоторые соображения, которые я включаю в отзыв не для оценки работы, а только в качестве пожелания автору при развитии его научной мысли. Данную работу с минимальной правкой можно рекомендовать к публикации в виде монографии, особенно имея в виду самостоятельный и интересный анализ

ритуала Пулисы (СТН 407), размышления о правлении Эрра-имитти, а также целый ряд не попавших в раздел «Научная новизна» соображений, таких как обнаружение нового текста, или касающегося датировки текста (ср. прим. 108).

Главным моим пожеланием для дальнейшего совершенствования методов будет рекомендация несколько пополнить лингвистическую аргументацию. С точки зрения лингвистики божество Ирра или Эрра могло бы рассматриваться как связанное с губительной неистовостью, а само это имя, безусловно, входит составной частью в имя представленного в хеттской традиции божества Лугальирра.

В ряде случаев мне не хватило разбора языковых и общих представлений, касающихся таких неочевидных идей, как представление о Луне, связанной каким-то образом с болезнями.

В чрезвычайно ценном приложении к диссертации, содержащем переводы хеттских текстов, мне не до конца остался понятен перевод на стр. 149 формы *lukzi* как если бы стояло безличное *lukta*. Обычно считается, что хеттское *išpanti/ šipanti* в первую очередь обозначает 'совершать жертвенное возлияние' и лишь затем приобретает общее значение 'совершать жертвоприношение'. Для дальнейшей работы быть может стоит уточнить, как следует понимать и умывание овцы, и действия, которые совершаются при обряде жертвоприношения.

С этой же лингвистической точки зрения мне хочется заметить, что «предзнаменование, полученное царём от бога Луны» (стр. 59), возможно, не случайно касается именно здоровья царя (в прим. 112 автор поддерживает предположение, что за логограммой ^dXXX скрывается «хетто-лувийский бог Луны Арма [Kümmel, 1967, S. 231]»). В этом случае, как представляется, было бы резонно вспомнить о том, что в хеттском языке даже на уровне внутренней формы слова *болезнь* и *Луна* могут быть связаны едиными представлениями. Клюкхорст в словаре (Kloekhorst, 247) не упоминает и половины слов, которые приводил уже Иог. Фридрих

(Friedrich, 31): armala- / irmala- 'Krank', armanija- / irmanija- 'erkranken'. Более того, слово armae- 'беременность' — единственное, которое Клюкхорст рассматривает, едва ли есть основания сопоставлять с arma- 'луна' вне общих представлений о Луне как насылающей болезни, если, конечно не пытаться подменить беременностью менструации. Такие связи, даже если они основаны у хеттов просто на народной этимологии, важны для общей интерпретации представлений о Луне и болезнях, в которых хетты были склонны обвинять божество Луны.

На стр. 42 автор разумно формулирует «Таким образом, хеттский tarpalli- и лувийский tarpašša- являются родственными терминами, связанные с ними лексемы широко употребляются в текстах не только религиозного, но и политического жанра. Возможные дальние параллели для них присутствуют скорее в текстах из Западной Анатолии и Эгеиды, а их связь с культурой Месопотамии порождена скорее месопотамским происхождением хеттской системы образованности, чем их лингвистическими особенностями».

Я рекомендовал бы подробнее остановиться на словообразовательном анализе терминов, например, на стр. 45–46, где говорится о необходимости различать термины appauli- 'равный' и tarpašša- 'заместитель' или на стр. 47–48, где автор отмечает, что «для ayawala- найден в лувийских иероглифических надписях ... I тысячелетия до н.э.» термин ayal(a/i)-, с помощью которого «царь подчёркивает законность своего правления, утверждая, что до восшествия на престол он был официальным наследником. Мельчерт предположил, что лувийские основы ayawala- и ayal(a/i)- родственны хеттскому ānt- и восходят к корню *aī-, являясь когнатами латинского ae-quis 'равный' в том смысле, что ayal(a/i)- должен быть равен царю, чтобы действовать за него. В последующем рассуждении правильно выделение в ayawala- суффикса -wa-, однако слишком тощее фонологическое тельце препятствует возможности говорить об этимологической надёжности. Что касается

латинского слова, то оно не имеет надежной этимологии, а выделение в *aequus* суффиксального *-k^uo- выглядит исключительно странным.

Совершенно невероятным образом в диссертации нет опечаток. Среди возможных стилистических улучшений отмечу *джойны* (стр. 9) вместо «соединения фрагментов», Вавилония (стр. 18) вместо Вавилон, формулировку на стр. 25, из которой следует, что Энкиду был индоевропейцем, Иан Резерфорд, который превратился в Яна Разерфорда, хисториола (стр. 36), а также не совсем удачные формулировки (стр. 65) «царь находился на карантине по причине болезни».

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что диссертация Иванова Валерия Алексеевича на тему: «Заместительные обряды в религиозной традиции Анатолии II тысячелетия до н.э.» соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история, а именно следующим ее направлениям: история Древнего Востока и Эгеиды во II тыс. до н. э.

Высказанные в отзыве замечания полностью относятся к рекомендациям по изданию работы и никоим образом не умаляют значимости диссертационного исследования В. А. Иванова. Диссертация полностью отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель В. А. Иванов заслуживает присуждения ученой степени кандидат исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, научный руководитель Института лингвистических исследований РАН и заведующий отделом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ФГБУН РАН «Института лингвистических исследований РАН»

академик РАН

Казанский Николай Николаевич

19 ноября 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.02.14 – классическая филология.

Адрес места работы:

199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер. д. 9, Институт лингвистических исследований РАН, Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований